

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Э. Р. БЕРРОУЗ

МАРСИАНСКИЕ
РЫЦАРИ

Эдгар Райс Берроуз
Боевой человек Марса
Серия «Марсианин
Джон Картер», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125549

Содержание

Предисловие	4
1. Санома Тора	11
2. Вынужденная посадка	27
3. Западня	39
4. Тавия	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эдгар Берроуз

Боевой человек Марса

Предисловие

Ясон Гридли, открывший Волны Гридли, установил связь между Пеллюсидаром и внешним миром.

Мне посчастливилось провести много времени в его лаборатории, когда он делал свои эксперименты, и я стал его доверенным лицом. Поэтому я знал, что когда он пытался установить связь с Пеллюсидаром, он надеялся сделать еще более потрясающее открытие – установить связь с другими планетами. И он не скрывал от меня, что основной его целью было наладить связь с Марсом.

Гридли сконструировал простое автоматическое устройство, периодически посылающее в пространство радиосигналы, а во время пауз записывающее те сигналы, которые воспринимает его антенная система.

Пять минут устройство передавало кодированные сигналы – ВГ – Волны Гридли затем следовала пауза десять минут, в течение которой антенны прослушивали эфир. Час за часом, день за днем, неделя за неделей уносились в бесконечное пространство невидимые посланцы человеческого разума. И после того, как Ясон оставил свою лабораторию и уехал

в экспедицию в Пеллюсидар, я остался в лаборатории, надеясь оживить его сокровенные мечты. Я дал ему слово, что буду наблюдать за работой устройства, просматривать все зарегистрированные сигналы, чтобы не пропустить момент, когда будет получен ответ из других миров.

За время работы в лаборатории я освоил прибор, изучил азбуку Морзе до такой степени, что мог принимать передачи с вполне удовлетворительным качеством и скоростью.

Шли месяцы, в лаборатории все покрылось толстым слоем пыли. Все, за исключением подвижных частей прибора Гридли. А лента, на которой должны были отпечататься принятые кодированные сигналы, оставалась девственно чистой.

Затем я ненадолго уехал в Аризону. Отсутствовал я десять дней и при возвращении сразу же пошел в лабораторию. Когда я вошел в знакомую комнату и включил свет, я ожидал увидеть ту же чистую ленту, к белизне которой уже привык.

Должен признаться, что я не питал особой надежды на успех, да и сам Гридли считал это только первым экспериментом, рассчитанным на случай. А я был рад, что могу оказать ему хоть маленькую услугу.

И тут, к своему удивлению, я увидел на ленте знакомые точки и черточки – азбука Морзе!

Сначала я решил, что кто-то еще открыл Волны Гридли и теперь посылает сигналы. Или же это сам Гридли прислал сообщение из Пеллюсидара. Но когда я расшифровал код, у

меня отпали всякие сомнения. Это было сообщение от Улисса Пакстона, когда-то пехотного капитана Армии Соединенных Штатов, который чудесным образом был перенесен прямо с поля битвы во Франции на Красного Мыслителя Марса, а позже – мужем Валлы Дайя, дочери Кор Сана, джеджа Дахора.

Вкратце в послании сообщалось, что таинственные сигналы были приняты в Гелиуме. Ученые не могли расшифровать их, хотя предполагали, что они идут с Джасума – так на Марсе называют Землю.

Джона Картера в это время не было в Гелиуме, и в Дахор был послан флайер за Пакстоном. Его просили срочно прибыть в Гелиум, чтобы определить, действительно ли эти сигналы приходят с планеты, где он родился.

По прибытии в Гелиум Пакстон сразу узнал азбуку Морзе, и ученые поняли, что теперь есть средство надежной связи Джасума – Земли и Барсума – Марса.

Лучшие умы Барсума стали анализировать сигналы, проводить эксперименты, чтобы воспроизвести Волны Гридли.

И, наконец, они добились успеха. Пакстон передал свое первое сообщение и теперь с нетерпением ожидал ответа.

С тех пор я постоянно общался по радио с Марсом. Но, понимая, что честь этого открытия принадлежит Ясону Гридли, я не сделал никаких официальных заявлений и не дал в прессу никакой информации. Но я считаю себя вправе рассказать вам интересную историю Хадрона из Хастора,

которую Пакстон передал мне в один из вечеров.

Надеюсь, что вы получите такое же удовольствие, какое получил я.

Но прежде чем начать, разрешите кралю дать вам описание жителей Марса, политической и военной структуры общества, некоторых обычаев. Думаю, это будет вам небезынтересно.

Доминирующая раса, в чьих руках находится прогресс и цивилизация, да и сама жизнь на Марсе, мало отличается от земной. За исключением того, что кожа у них красно-медного цвета. Красные люди Марса полностью похожи на стандартную англосаксонскую расу. Впрочем, у марсиан есть и другие отличия – длительность жизни. Марсиане живут тысячу лет. Но из-за постоянных войн, дуэлей, убийств редко кто доживает до такого возраста.

Политическая структура марсиан довольно стабильна и сохраняется уже много тысячелетий. Основная структурная единица – племя, во главе которого стоит джед, что соответствует нашему королю. Вождь вождей, глава объединенных племен – джеддак, или император. Его супруга – джеддара.

Большинство красных людей живет в укрепленных городах, хотя некоторые живут в укрепленных поместьях, расположенных в плодородных, орошаемых каналами областях.

На далеком юге, вблизи южной полярной области, живут очень красивые, высокоинтеллигентные черные люди Марса. Там же живут и остатки белой расы; возле северной по-

лярной области доминирует раса желтых людей.

По всей территории Марса, по дну давно пересохших древних океанов бродят орды свирепых зеленых людей. Часто они селятся в развалинах древних городов.

Эти зеленые воины Барсума являются вечными врагами всех рас. Они имеют огромный рост и, кроме обычных рук и ног, имеют еще две конечности, которые могут быть использованы и как руки, и как ноги. Глаза их расположены по сторонам черепа, а третий глаз в центре. Таким образом, зеленые могут смотреть одновременно во все стороны, не поворачивая головы.

Два уха находятся чуть повыше глаз и расположены близко друг к другу. Они на несколько дюймов поднимаются над головой. Нос представляет собой две вертикальные щели в центре лица между ртом и ушами. Цвет кожи оливково-зеленый, а в детстве желтоватый. Мужчины темней, чем женщины.

Зубы у них ярко-белые – не цвета слоновой кости, а цвета китайского фарфора. Нижние клыки выдаются вперед и вверх, а их яркая белизна на фоне темно-оливковой кожи выглядит устрашающе.

Это раса хитрых и жестоких людей, совершенно не знающих пощады, любви, жалости. Это раса наездников, передвигающихся пешком только внутри своего лагеря. Ездят они верхом на тотгах, свирепых животных громадного роста – под стать своим хозяевам. У тотгов восемь ног и хвост, рас-

ширяющийся к концу. Они совершенно безволосые, и кожа у них темно-коричневого цвета, гладкая и блестящая, но живот белый. Ноги в нижней части желтого цвета, без копыт.

Зеленые люди управляются джедами и джеджаками, но их военная организация не такая совершенная, как у красных людей.

Военные силы красных отлично организованы. Главная боевая сила – это воздушный флот, состоящий из огромного количества разнообразных флайеров – от тяжелых боевых до разведывательных на одного человека. Вторые по значению – это пехотные формирования. Кавалерия используется только для патрулирования улиц и охраны городов и селений.

Основная военная единица – утан, состоящий из ста воинов. Во главе утана стоит двар, которому подчиняются несколько падваров. Одвар командует умаком – десять тысяч человек. Следующий командный чин – джедвар, подчиняющийся только джеду или джеджаку.

Наука, литература, искусство, архитектура очень развиты на Марсе, что весьма неожиданно для планеты, где постоянно ведется борьба за существование.

Приходится бороться не только с суровой природой – атмосфера постепенно покидает планету, и людям становится все труднее дышать, воды не хватает.

Кроме того, на планете постоянно происходят битвы. С самого дня рождения человек сталкивается с необходимо-

стью защищать себя как от враждебных представителей своей расы, так и от орд зеленых воинов, совершающих набеги на города. Внутри городов действуют многочисленные группы организованных убийц.

И все же, несмотря ни на что, красные люди – высокоцивилизованный народ. У них есть свои песни, танцы, и социальная жизнь в столице и других городах планеты кипит, как в крупнейших городах Земли.

Это смелый, благородный народ, что подтверждается тем, что ни Джон Картер, ни Улисс Пакстон не собираются покинуть Марс и вернуться на Землю.

А теперь вернемся к рассказу, который передал по радио Пакстон через сорок три миллиона миль космического пространства.

Эдгар Райс Берроуз

1. Санома Тора

Это история Хадрона из Хастора, великого Воина Марса, как она была рассказана им самим Улиссу Пакстону.

Я – Тан Хадрон из Хастора. Мой отец Хал Уртур – одвар первого умака Армии Хастора. Он командовал самым крупным кораблем воздушного флота. Под его началом находилось десять тысяч воинов и пятьсот боевых флайеров. Моя мать – принцесса Гатола.

Наша семья не была слишком богата, но наш род всегда отличался честностью и благородством, что ценится выше всех богатств на свете. Я выбрал профессию своего отца, предпочтя ее другим, более выгодным карьерам. Чтобы совершенствоваться в своем деле, я поступил на службу в Армию Тардоса Морса, джеда Гелиума, где я мог быть ближе к великому Джону Картеру, Главнокомандующему Барсума.

Моя жизнь в Гелиуме и военная карьера были такими же, как и у сотен других молодых людей. Курс обучения я прошел без всяких затруднений, не лучше и не хуже других, а затем меня назначили падваром в пятый утан, входящий в девяносто первый умак.

Я принадлежал к древнему роду, и в жилах моих текла королевская кровь моей матери. Поэтому дворцы Гелиума были всегда открыты для меня. На одном из приемов я встретил Саному Тора, дочь Тор Хатана, одвара девяносто перво-

го умака.

Тор Хатан не принадлежал к древнему роду, но сказочно разбогател благодаря грабежам городов и ферм враждебных племен. И Тор Хатан стал могущественным человеком, чье влияние достигало даже трона джеддака, так как в Гелиуме богатство почитают выше, чем благородство и древность рода.

Никогда не забуду тот вечер, когда я впервые увидел Саному Тора. Это был большой праздник в Мраморном Дворце Главнокомандующего. Под одной крышей собрались самые прекрасные женщины Барсума. И даже на фоне блистательной красоты Деи Торис, Тары из Гелиума, Тувии из Птарса красота Саномы Тора привлекала всеобщее внимание.

Я не хочу сказать, что Санома Тора превосходила красотой этих признанных королей, так как понимаю, что не смогу быть беспристрастным. Но ведь были и другие, которые также отметили ее необычную красоту. Красота Саномы Тора отличалась от красоты Деи Торис, как своеобразный пейзаж полярных областей отличается от буйного великолепия тропиков, как строгий белый мраморный дворец в лунную ночь отличается от пышного дворцового сада в полдень.

Когда меня представили ей, она сразу взглянула на знаки отличия на моей форме. Увидев, что я всего лишь падвар, она сказала мне несколько ничего не значащих фраз и снова повернулась к двару, с которым перед этим беседовала.

Должен признаться, что мое самолюбие было уязвлено, и

тем не менее именно ее пренебрежительное отношение ко мне укрепило мое намерение завоевать ее, так как чем труднее цель, тем заманчивее ее достижение.

Вот так я влюбился в Саному Тора, дочь командира умака, в котором я служил.

Долгое время я не мог продвинуться к своей цели ни на шаг. Я даже не встречался с ней несколько месяцев, так как из-за моей бедности и низкого положения меня не приглашали в их дом, а в других местах мне не удавалось встретиться с нею. Но чем она была недоступнее, тем сильнее я влюблялся в нее, и вскоре все свое время, когда я не был занят по службе, я посвящал разработке полубезумных планов ее завоевания. Я даже подумывал о похищении девушки и, вероятно, в конце концов, сделал бы такую попытку, так как не видел других способов. Но однажды двар 91-го умака, где я служил, пожалел меня и раздобыл приглашение на празднество во дворец Тор Хатана.

Хозяин дворца, который был и моим командиром, до этого вечера не замечал меня, и я был удивлен теплотой и сердечностью его приема.

– Мы должны видеться чаще, Хадрон из Хастора, – сказал он. – Я давно наблюдаю за тобой и уверен, что ты сделаешь хорошую карьеру на службе у джедака. Теперь я знаю, что он лгал, когда заявил, что наблюдал за мной. Тор Хатан весьма небрежно относился к службе как командир умака. Все свои обязанности он перепоручал своему тидвару. И хо-

тя я не понимал причину столь неожиданной любезности, мне было приятно. К тому же это означало, что я сделал шаг, хотя и небольшой, к руке и сердцу Саномы Тора.

Саномы Тора была более вежлива со мной, чем в первый раз, но она оказывала заметно большее внимание Сил Вагису, чем мне.

Вряд ли в Гелиуме есть человек, которого я не могу терпеть больше, чем Сил Вагиса, напыщенного сноба, который носит титул тидвара, хотя к военной службе не имеет никакого отношения. Однако он вхож в дом Тор Хатана. Думаю, что это – из-за богатства его отца.

Такие люди имеют власть и вес только в дни мира. А когда начинается война, все командование и ответственность берут на себя настоящие воины, а не напыщенные трусы, которые получили свои звания благодаря богатству.

Ну, а пока этот Сил Вагис отравил мне весь вечер. И все же я покинул дворец Тор Хатана в хорошем расположении духа, так как получил разрешение Саномы Тора посещать их дом, как только мои служебные обязанности позволят это.

Возвращался я в казармы вместе со своим другом, и когда я рассказал о теплом отношении ко мне Тор Хатана, друг рассмеялся.

– Тебе смешно? Почему?

– Тор Хатан очень богат и могущественен. И все же, как ты можешь заметить, его не приглашают в самые знатные четыре дворца Гелиума. А ведь попасть туда – это большая

честь.

– Ты имеешь в виду дворцы Главнокомандующего, джеддака, джеда и Карториса?

– Конечно. Разве есть более высокопоставленные и благородные люди? Все предполагают, что Тор Хатан низкого происхождения, а я уверен, что в нем нет ни капли благородной крови. Он настолько подобострастен перед сильными мира сего, что готов отдать душу, чтобы приблизиться к ним.

– Но какое это имеет отношение ко мне?

– Самое прямое. Именно поэтому ты и приглашен к нему.

– Не понимаю.

– Когда я беседовал с ним о тебе, ты, как падвар 5-го утана, не вызвал у него ни малейшего интереса, но когда я упомянул, что твоя мать принцесса Гатола, он наострил уши, а когда узнал, что ты принят как равный во дворцах четырех полубогов Гелиума, он чуть не сошел с ума. Теперь ты понимаешь?

– Понимаю. И тем не менее я рад возможности получить доступ в дом Тор Хатана. И я не упущу ее, какими бы неприятностями мне это ни грозило.

Я часто посещал дом Тор Хатана. Я был неплохим рассказчиком, умным собеседником, прекрасно танцевал – и поэтому я всегда был желанным гостем. Кроме того, я приглашал Саному Тора то в один из четырех знатнейших домов Гелиума, то в другой. Меня везде принимали радушно, так как я имел кровное родство с Гоханом из Гатола, который

был женат на Таре из Гелиума. Я чувствовал, что продвигаюсь к цели, хотя несравненно медленнее, чем требовала моя возрастающая страсть. Никогда раньше я не знал любви, и мне казалось, что я умру, если в самом ближайшем времени не буду обладать Саномой Тора.

И вот в один из вечеров я пошел во дворец с самым решительным намерением положить сердце и руку к ее ногам. Правда, как и всякий влюбленный, я понимал, что я ничто для нее и она отвергнет меня. Но тем не менее я решил признаться ей, стать официальным поклонником, пусть даже отвергнутым. Я полагал, что это даст мне большую свободу действий. Это был один из тех чудесных вечеров, которые превращают древний Барсум в мир грез и очарования. Турия и Хлорус стремительно двигались по небесам, бросая мягкий свет на сад Тор Хатана, окрашивая все цветы в колдовские оттенки, заставляя сверкать дорожки, уложенные полудрагоценными камнями.

В одном из громадных холлов дворца на массивной скамье, сделанной из драгоценного черного дерева, сидели юноша и девушка. Такая скамья могла бы украсить дворец самого джеддака, так велико было искусство резчика, создавшего этот шедевр.

На одежде юноши был знак различия, по которому можно было узнать, что он падвар 91-го умака. Этим юношей был я, Хадрон из Хастора, а со мною сидела Санома Тора, дочь Тор Хатана. Внезапно вся моя решимость исчезла. Что

мог я, бедный падвар, предложить прекрасной дочери могущественного Тор Хатана? Правда, во мне текла королевская кровь, и это имело значение для Тор Хатана, но разве я мог хвастаться этим перед его дочерью и напоминать ей те преимущества, которые дает благородство происхождения? Значит, я мог предложить ей только большую любовь. А это самый большой дар, который может дать мужчина женщине, и я думал, что Санома Тора сможет оценить его и даже полюбить меня. Ведь иногда она даже посылала за мной. Правда, каждый раз оказывалось, что она желает поехать во дворец Тары из Гелиума, но все же это вселяло в меня надежду, что это не единственная причина, по которой она хочет меня видеть.

– Сегодня ты очень скучный, Хадрон, – сказала она после долгого молчания, во время которого я старался облечь в красивые слова свое признание.

– Это потому, что я хочу сказать тебе кое-что, очень важное для меня.

– И что это? – спросила она, впрочем, без особого интереса.

– Люблю тебя, Санома Тора, – пробормотал я.

Она рассмеялась. Ее смех напоминал серебряные капли, падающие на хрусталь, – прекрасные, но холодные.

– Это и так все знают. Зачем говорить об этом?

– А почему нет?

– Потому, что я не для тебя, Хадрон из Хастора, даже если

бы я любила тебя, – холодно ответила она.

– Значит, ты не можешь полюбить меня?

– Я этого не говорила.

– Значит, можешь?

– Могу, если позволю себе эту слабость. Но что такое любовь?

– Любовь – это все. Санома Тора рассмеялась.

– Если ты думаешь, что я свяжу свою жизнь с нищим падваром, даже если полюблю его, то ты ошибаешься, – надменно проговорила она. – Я дочь Тор Хатана, чье богатство и могущество ничем не меньше, чем богатство и могущество джеддака, У меня есть поклонники такие богатые, что могут купить тысячу таких, как ты. Уже год, как посланник Тул Акстара, джеддака Джахара, ждет согласия моего отца, чтобы я стала женой джеддака. Я, которая может стать джеддарой Джахара, никогда не буду женой нищего падвара.

Я встал:

– Может быть ты и права. Ты так прекрасна, что не можешь ошибаться. Но в глубине души я знаю, что счастье – это величайшее сокровище, которым может обладать человек, а любовь – это величайшее могущество. Без них, Санома Тора, даже джеддара – нищая.

– Я все же попробую.

– Надеюсь, что джеддак Джахара не такой толстый, как его посланник, – заметил я, пожалуй, с излишней злобой.

– Пусть он даже будет ожившей пивной бочкой. Мне все

равно, если он сделает меня джеддарой.

– Значит, у меня нет надежды?

– Нет, пока тебе нечего предложить мне, падвар, – Ответила она.

Затем слуги объявили о приходе Сил Вагиса, и я ушел. В глубоком отчаянии я побрел в казарму. Но даже и сейчас, когда все мои надежды умерли, я не оставлял мысли завоевать ее сердце. Если цена ей богатство и власть, я добуду их. Как я собирался добывать это – я не знал, но я был молод, а для молодости нет ничего невозможного. Я лег и почти уснул, когда в казарму вбежал офицер охраны.

– Хадрон! Ты здесь? – Да.

– Слава богу! – воскликнул он. – Я боялся, что не застаю тебя.

– Что случилось?

– Тор Хатан, этот старый денежный мешок, сошел с ума!

– Тор Хатан? А при чем тут я?

– Он клянется, что ты похитил его дочь!

В одно мгновение я был на ногах.

– Похитили Саному Тора? Что с ней? Говори! Быстро!

– Да, она исчезла. И притом при таинственных обстоятельствах.

Но я уже не слышал. Схватив оружие, я побежал ни крышу. У меня не было разрешения на использования флайера, но что это было по сравнению с тем, что Саномы Тора в опасности?

Охранники пытались остановить меня. Не помню, что я говорил им. Вероятно, что-то хорошо солгал, так как уже через мгновение я летел сквозь ночь к дворцу Тор Хатана.

До него было не более двух хаадов, и скоро я был там. Я приземлился в саду, который сейчас был ярко освещен. В саду толпились люди, и я сразу увидел Тор Хатана и Сил Вагиса.

Когда я соскочил с палубы, ко мне быстро подошел Тор Хатан.

– А вот и ты! – закричал он. – Что скажешь? Где моя дочь?

– Это и я хочу знать, Тор Хатан.

– Ты виновен во всем! Ты ее похитил! Она призналась Сил Вагису, что ты просил ее руки, а она отказала.

– Да, это так. Но если она похищена, то нет смысла терять время и связывать меня с этим похищением. Я здесь ни при чем. Как это случилось? Кто был с ней?

– Сил Вагис. Они гуляли в саду.

– Значит, ты был свидетелем похищения? – спросил я, повернувшись к нему. – И ты жив и даже не ранен?

Сил Вагис забормотал:

– Их было много.

– Ты их видел? – Да.

– Я был среди них?

– Было темно. Я никого не узнал. Может, похитители были переодеты.

– Ты сражался с ними?

– Да, но меня обезоружили.

– Ты лжешь! Если бы ты вступил в бой, ты был бы убит. Нет, ты убежал и спрятался, не обнажив меча, чтобы защитить девушку.

– Это ложь! Я сражался, но меня обезоружили!

Я повернулся к Тор Хатану:

– Мы теряем время. Есть ли кто-нибудь, кто может членораздельно сказать, кто эти люди, откуда явились, куда исчезли?

– Он пытается отвести от себя подозрения, Тор Хатан! – крикнул Сил Вагис. – Кто может сделать это кроме отвергнутого поклонника? Что ты скажешь на то, что по эмблемам похитителей я понял, что это воины Хастора?

– Я скажу, что ты лжец, – ответил я. – Если было так темно, что ты не рассмотрел лиц, то как ты мог разглядеть эмблемы?

Тут к нам подошел офицер.

– Мы нашли человека, который кое-что может рассказать, – сказал он, – если, конечно, не умрет раньше.

Люди, обыскавшие сад Тор Хатана и прилегающую часть города, принесли человека. Он был в ужасном состоянии – переломаны руки и ноги, и он почему-то был раздет.

Один из рабов побегал во дворец, принес лекарство и влил его в рот несчастному. Тот пришел в себя.

– Кто ты? – спросил его Тор Хатан.

– Я воин городской охраны.

Один из офицеров подошел к Тор Хатану.

– Мы нашли шестерых человек, мертвых, и этого, который подавал еще признаки жизни. Все они были в ссадинах, кровоподтеках, у всех переломаны руки и ноги. И все раздеты.

– Может быть, мы узнаем правду от него? – спросил Тор Хатан и повернулся к раненому. Тот заговорил слабым голосом:

– Мы были в ночном патруле и, пролетая над городом, заметили флайер, летевший без огней. Мы приблизились к нему, включили прожектора. Я заметил, что на флайере не было никаких опознавательных знаков, и конструкция его была мне совершенно не знакома. У него была длинная низкая кабина, из бортов торчали дула каких-то орудий. Я также успел заметить, что одно дуло направлено на нас. Падвар окликнул чужой флайер, но в это мгновение раздался выстрел, и наш корабль рассыпался, растворился в воздухе, даже все металлические пряжки моей одежды испарились. Дальше я только помню, что начал падать... и это все, – с этими словами человек вздохнул и умер.

Тор Хатан вызвал всех слуг.

– Кто-то из вас должен был видеть, что здесь произошло, – сказал он. – Я приказываю говорить всем, кто знает хоть что-то об этом деле, даже если в нем замешан кто-либо из присутствующих.

Один из рабов вышел вперед, и Тор Хатан смерил его презрительным взглядом.

– Ну, – спросил он. – Что ты хочешь сказать? Говори.

– Ты приказал, Тор Хатан, – сказал раб, – иначе бы я не осмелился, так как мне придется упомянуть имя могущественного дворянина, – и он бросил взгляд в сторону Сил Вагиса.

– Если ты скажешь правду, человек, ты получишь покровительство падвара, чей меч защитит тебя даже от могущественного дворянина, – сказал я и тоже посмотрел на Сил Вагиса, так как понял, что раб хочет рассказать мне кое-что об этом хлыще, изображающем из себя воина.

– Говори, – приказал Тор Хатан, – и смотри, чтобы не было лжи.

– Четырнадцать лет я служу тебе, Тор Хатан, – ответил раб, – с тех пор, как я был захвачен в плен в Короле, где служил в охране самого джеда. И все это время у тебя не было причин подозревать меня в вероломстве. Санома Тора доверяла мне, и будь у меня в этот вечер меч, Санома Тора была бы сейчас с нами.

– Говори! Говори! – крикнул Тор Хатан. – Что ты хочешь сказать?

– Он ничего не видел! – рявкнул Сил Вагис. – К чему терять время? Ему просто лестно наше внимание.

– Дайте ему сказать, – потребовал я.

– Я спускался по лестнице со второго этажа, – начал раб, – где готовил постель для своего господина, и задержался на минуту на балюстраде, чтобы полюбоваться садом. Там я

увидел Саному Тора и Сил Вагиса. Зная, что мне не следует следить за ними, я уже хотел идти дальше, как вдруг заметил флайер, бесшумно спускающийся в сад. На флайере не было огней. Казалось, что это корабль-привидение. Мое внимание привлекла не странная конструкция корабля, хотя и этого было достаточно, но я понял, что корабль, спускающийся ночью без огней, не к добру, и решил наблюдать за ним. Флайер бесшумно сел позади Саномы Тора и Сил Вагиса. Они даже не заметили этого. А затем с корабля стали выскакивать воины, и Сил Вагис обернулся на шум. Мгновение он стоял, как парализованный, а затем повернулся и бросился в кусты.

– Это ложь! – крикнул Сил Вагис.

– Молчи, трус, – приказал я.

– Продолжай, раб, – сказал Тор Хатан.

– Санома Тора ничего не поняла, пока ее не схватили сзади. Все произошло так быстро, что я ничего не понял, пока не увидел, как ее схватили. Я бросился вниз по лестнице в сад, но мою хозяйку уже втащили на палубу. И даже тогда, будь у меня меч, я смог бы с честью умереть за Саному Тора, так как подбежал к таинственному кораблю тогда, когда туда поднимался последний воин. Я схватил его за одежду, попытался стащить вниз и закричал о помощи. И тут я получил сверху удар мечом по голове. Удар, к счастью, оказался скользким и только оглушил меня. Я выпустил воина и упал без чувств. Когда я пришел в себя, корабль уже улетел,

а надо мною стояли воины охраны. Я сказал все – и сказал правду.

Холодный взгляд Тор Хатана упал на Сил Вагиса.

– Что ты скажешь на это?

– Этот раб подкуплен Хадроном, – закричал Вагис. – Все, что он сказал, – ложь. Я напал на похитителей, но их было слишком много, и я ничего не мог сделать. Этот раб лжет.

– Дай, я посмотрю твою голову, – сказал я рабу. Тот встал передо мной на колени. Все увидели красный рубец над левым ухом.

– Ну вот, – сказал я Тор Хатану, показывая на рубец, – вот доказательство того, что раб не лжет и что он мужественно вел себя. Теперь посмотрим, какие раны получил в бою дворянин Гелиума, который, как он заявил, в одиночку сражался с целым отрядом. Уж наверняка хоть одну царапину он получил.

– Или же он великий фехтовальщик, как сам Джон Картер, – сказал с усмешкой двар дворцовой охраны.

– Это заговор! – завопил Сил Вагис. – Неужели ты ставишь слово раба выше слова дворянина Гелиума, Тор Хатан?

– Я верю тому, что видят мои глаза, – ответил Тор Хатан и отвернулся от Сил Вагиса. Затем он обратился к рабу: – Узнал ли ты кого-нибудь из похитителей? Видел ли ты их эмблемы?

– Я не смог увидеть лиц, но эмблему того воина, которого я держал, видел.

– И это эмблема Хастора? – спросил Тор Хатан.

– Клянусь предками, нет. Эта эмблема не принадлежит ни одному из городов Гелиума. Она мне неизвестна. Но все же что-то тревожит меня. Кажется, я ее видел, но где и когда, не помню. На службе джеда я сражался с воинами многих стран, и вполне возможно, что когда-то давно я видел эту эмблему.

– Ты удовлетворен, Тор Хатан? – спросил я. – Ты понял, что все инсинуации Сил Вагиса лишены основания?

– Да, Хадрон из Хастора.

– Тогда я ухожу.

– Куда?

– Искать Саному Тора.

– Если ты найдешь и вернешь ее мне, она будет твоей.

Я не нашел ничего лучшего, как поклониться ему за столь щедрое обещание, хотя понимал, что последнее слово будет за Саномой Тора.

Вскочив на палубу флайера, я взлетел в ночное небо и направился ко дворцу Главнокомандующего Барсума. Час был поздний, но я решил, что нельзя терять времени и я должен увидеться с ним.

2. Вынужденная посадка

Подлетая к дворцу, я заметил там оживление, необычное для такого времени суток. Освещенные прожекторами флайеры прилетали и улетали, а когда я сел на крышу, то увидел много флайеров высших офицеров.

Меня хорошо знали во дворце, так как я часто бывал здесь, поэтому меня пропустили. Я очутился в приемной Главнокомандующего. Немного погодя раб пригласил меня в кабинет.

Хотя сидел я недолго, ожидание казалось мне вечностью, так как я был уверен, что женщина, которую я люблю, в страшной опасности. Почему-то, как бы ни смехотворна была эта мысль, я считал, что только я один могу спасти ее, и каждое мгновение задержки уменьшает мои шансы на успех.

Наконец, я вошел в кабинет и увидел, что здесь находятся все члены Военного Совета Гелиума.

– Я знаю, – сказал Джон Картер, сразу переходя к сути дела, – что привело тебя сюда, Хадрон из Хастора. Похищение Саномы Тора. Ты имеешь какие-нибудь сведения, могущие пролить свет на эту тайну?

– Нет. Я просто хочу просить разрешения вылететь сейчас же на поиски похитителей.

– Где ты хочешь искать их?

– Пока не знаю, но я найду их. Он улыбнулся.

– Уверенность – половина успеха. Поэтому я даю тебе разрешение. Кроме факта похищения, что само по себе обя-зывает нас принять все меры по спасению дочери Гелиума и наказанию похитителей, в этом деле есть еще некоторые обстоятельства, указывающие на то, что империи угрожа-ет страшная опасность. Ты, вероятно, уже знаешь, что таин-ственный корабль был вооружен каким-то излучателем. За-гадочные лучи дезинтегрировали все металлические части корабля-патруля, а также оружие и металлические пряжки на одежде воинов. Мы тщательно осмотрели место, где упал флайер, а также трупы воинов. Все остальные вещества, кро-ме металла, не подвержены действию этих загадочных лучей.

Я говорю тебе об этом, так как это может дать ключ к определению местонахождения этого города – нового врага Гелиума. Ты понимаешь, что флот с таким оружием может нанести сокрушительный удар по Гелиуму, уничтожить ве-ликое государство...

К тому же в последнее время стали исчезать корабли на-шего флота. Я проанализировал все случаи исчезновения и пришел к выводу, что они не возвращаются из рейсов в юж-ной части западного полушария. Та часть планеты населе-на недружелюбными нам народами, и мы не поддерживаем с ними никаких контактов, даже торговых.

Это, Хадрон, только предположения. Тысяча одномест-ных разведывательных флайеров вылетит завтра на поиски похитителей, кроме того, большие военные корабли тоже

примут участие в поисках города, обладающего столь разрушительным оружием.

Совершенно очевидно, что это новейшее изобретение и, следовательно, в самом скором времени таких излучателей будет изготовлено достаточно для того, чтобы вооружить большой флот. И тогда обладатель этого оружия станет властелином всего мира. Я сказал. Иди, Хадрон, и пусть фортуна благоприятствует тебе.

Можете мне поверить, что, получив разрешение Джона Картера, я не терял времени. Вернувшись в казармы, я быстро собрался, выбрав одежду, оружие – длинный меч, короткий меч, кинжал, пистолет. Кроме того, я взял много патронов и запас консервированных продуктов.

Пока я занимался сборами, мой ум лихорадочно искал причины похищения Саномы Тора. Я пытался найти хоть маленькую зацепку, ведущую к похитителям. И вдруг я вспомнил о Тул Акстаре, джедаке Джахара. Может, это и есть ключ к тайне? Я вспомнил посланника Тул Акстара, посетившего дворец Тор Хатана. Я слышал его хвастовство о богатстве и могуществе Тул Акстара, о красоте его жен. Может, в Джахаре и нужно искать похитителей? Перед отлетом я решил снова посетить дворец Тор Хатана, чтобы поговорить с рабом, последним видевшим Саному Тора.

И тогда я подумал о Дворце Знаний. Там можно было найти изображение эмблем всех государств Барсума. Тут же я бросился туда и с помощью слугителя быстро нашел изоб-

ражение эмблемы воинов Джахара. Через несколько минут я уже имел фотостатическую копию эмблемы и с нею поспешил во дворец Тор Хатана. Самого одвара не было. Его вызвали к Главнокомандующему. Мажордом прислал ко мне раба! Кал Тавана, свидетеля похищения.

Когда он явился, я внимательно рассмотрел его. Крепкий, высокий, хорошо сложенный – настоящий воин.

– Насколько я помню, ты из Кобола? – спросил я.

– Я родился в Тьянате. Там у меня была жена и дочь. Жена погибла от руки убийцы, а дочь исчезла еще в детстве, я не знаю, что с нею случилось, где она. Горе мое было велико, и я не мог оставаться в Тьянате. Я стал пантаном-наемником и служил в Коболе.

– И ты знаешь эмблемы многих городов?

– Да.

– Чья это эмблема? – я достал копию эмблемы Джахара, которую принес из Дворца Знаний.

Он взглянул на нее, и глаза его сверкнули.

– Это она! – вскрикнул он.

– Ты видел такую же?

– Именно такая эмблема была у воина, которого я схватил возле флайера похитителей.

– Значит, похитители установлены, – сказал я и повернулся к мажордому.

– Пошли человека к Главнокомандующему и сообщи, что дочь Тор Хатана похищена воинами Джахара. Я убежден, что

это сделано по приказу Тул Акстара.

– Затем я повернулся и покинул дворец.

Взлетев над башнями Великого Гелиума, я взял курс на запад, в далекие неизведанные края, где находился Джахар. Теперь я был убежден, что Саноме Тора предстояло стать не джеддарой Тул Акстара, а его рабыней, наложницей, так как джеддаки не похищают будущих жен.

Я был уверен, что понял причину похищения правильно. Посланник Тул Акстара сообщил своему господину о необычайной красоте дочери Тор Хатана, а также о том, что она недостаточно высокого происхождения, чтобы стать джеддарой. И Тул Акстар решил похитить девушку, чтобы обладать ею. Кровь моя кипела при этих мыслях, но я был, несомненно, прав в своих предположениях.

За последние 10–20 лет воздухоплавание на Барсуме сделало большой скачок в развитии. Изобретения Карториса стали началом новой эры. Целые столетия мы считали, что достигли совершенства в этом деле, но Карторис смог переубедить нас. Благодаря его трудам существенно улучшилась конструкция кораблей всех классов, произошла революция в моторостроении.

Мы считали, что наши легкие мощные радиевые двигатели уже не могут быть улучшены, а полет в воздухе не может быть более безопасным, более экономичным, более быстрым – около 1100 хаадов в зод – приблизительно 100 земных миль в час. Но вот никому неизвестный падвар из Гелиума

объявил, что изобрел новый двигатель, наполовину меньший по весу, чем нынешние модели, и позволяющий развивать скорость вдвое большую.

Именно такой мотор был установлен на моем флайере, он потреблял энергию, выделяемую из магнитного поля планеты.

Принцип действия мотора был известен только самому изобретателю и правительству. Тайна эта свято сохранялась.

Вокруг пропеллера была смонтирована сложная конструкция – аппарат выделения энергии, которая вращала пропеллер. Скорость контролировалась путем увеличения или уменьшения числа элементов аккумулятора энергии простым движением рычага. Пилот обычно лежал в кабине на животе и был привязан ремнями безопасности.

Предел скорости движения, как заявил изобретатель, зависит только от веса корабля. Мой флайер свободно развивал скорость 2000 хаадов в зод. Конечно, можно было увеличить количество элементов аккумулятора и увеличить скорость до 3000 хаадов, но любой флайер развалился бы на такой скорости на куски.

Другим чудесным изобретением Карториса был компас и автопилот. Достаточно выставить курс и можно спокойно ложиться спать. Корабль доставит вас до места назначения, спустится до высоты в сто ярдов и повиснет в воздухе, а специальное устройство разбудит пилота. Я полагаю, что Джон Картер подробно описал это устройство в одном из своих

манускриптов.

Для меня сейчас этот прибор не представлял ценности, так как я не знал, куда лететь. Однако я выставил курс тридцать градусов южной широты, тридцать пять градусов восточной долготы, так как полагал, что Джахар находится где-то там, и включил автопилот.

На большой скорости я пролетел над обработанными и орошаемыми землями Гелиума и понесся над мертвой пустыней, покрытой желтым мхом. Это было дно давно пересохшего океана, по которому когда-то плавали корабли счастливого и процветающего народа. Но те времена давно прошли и остались лишь в легендах и сказках Барсума.

Кое-где на возвышенностях я видел древние памятники той эпохи – печальные полуразрушенные города древнего Барсума. Но даже в этих развалинах ощущались величие и величественность, которые поражали даже современного человека. Это были трагические следы, оставленные древней цивилизацией, которая двигалась за морем по мере того, как оно пересыхало. Города, лишавшиеся возможности заниматься коммерцией, теряли свое могущество и становились легкими жертвами диких орд зеленых кочевников, которые теперь стали единственными обитателями пустынных бесплодных равнин – дна пересохшего океана. Ненавидящие и ненавидимые, не знающие ни любви, ни жалости, ни счастья, ни покоя, не умеющие смеяться, плакать, они проводили свою жизнь в постоянных войнах друг с другом, со свои-

ми соседями; любой человек, попавший в эти безрадостные пустыни, становился жертвой их безудержной жестокости и алчности.

Но даже среди этих свирепых и жестоких обитателей пустынь наибольшей жестокостью отличалась орда зеленых из Торкаса.

Город Торкас, в древности отличавшийся богатством и великолепием, теперь был опустошен и полуразрушен. Но слава его была такова, что он до сих пор был отмечен на всех картах Барсума. Я никогда не видел его и поэтому решил пролететь над ним. И когда вдали я увидел горделивые башни и мощные укрепления Торкаса, я ощутил тревожное возбуждение, которое испытывали все красные люди Барсума при виде развалин древних городов.

Приблизившись к городу, я сбросил скорость и опустился пониже, чтобы рассмотреть его. Как он, вероятно, был прекрасен, хотя прошло много тысячелетий с тех пор, как его широкие улицы и просторные площади были полны жизни; город поражал воображение своим великолепием, которое не могло полностью уничтожить даже безжалостное время.

Я увидел улицы города, по которым много лет не ступала нога человека. Плиты мостовых заросли желтым мхом, из трещин выбивались корявые деревья и кусты. Молчаливые дворцы смотрели на меня. Кое-где крыши провалились, но в основном все было в полном порядке, и казалось, что город дремлет, грезит о своем прекрасном прошлом, когда в этих

дворцах жили счастливые, гордые люди, по улицам ходили прекрасные женщины, одетые в шелка, и их драгоценности сверкали в солнечном свете при каждом движении гибкого тела. Я видел витрины богатых лавок, видел мачты кораблей, стоящих на якоре в гавани... Вот по широким улицам идут моряки, а возле дверей домов стоят суровые воины. Да, чудесные видения рождала мертвая тишина мертвого города! И вдруг возле одного из роскошных дворцов я увидел то, что сразу вернуло меня из чудесного прошлого в реальность, – прямо подо мной я увидел несколько тотов, которые были привязаны к ограде большого сада.

Присутствие этих огромных животных могло означать только одно – значит, их свирепые хозяева где-то неподалеку.

Один из тотов поднял голову и, завидя меня, начал злобно реветь. Остальные, которых очень легко привести в бешенство, тоже стали реветь, и поднялся дикий шум, результат которого было нетрудно предугадать.

Зеленый воин выскочил из дворца и заметил меня и мой флайер. Поняв это и то, что скрываться не имеет смысла, я включил двигатель на полную мощность и поднялся на большую высоту. Я видел, что из дворца высыпало еще человек двадцать и первый воин показал на меня.

Я хорошенько отругал себя за любопытство, на удовлетворение которого у меня сейчас не было времени. Я поднимался вверх зигзагами, а снизу доносились свирепые крики зе-

ленных. Я видел, как дула их длинных винтовок направлены в мою сторону. И вот я уже слышу свист пуль. К счастью, они пролетели мимо. Еще несколько секунд, и я буду вне досягаемости выстрелов зеленых. Я уже в душе благодарил своих предков за удачливость, как вдруг одна из пуль попала в корабль, но я уже вырвался из-под обстрела.

Злобные крики разочарования достигли моих ушей, когда я сделал вираж и взял курс на юго-запад, все еще не веря в свое везение.

Я уже пролетел семьдесят карадов от Гелиума и считал, что до Джахара осталось карадов пятьдесят-семьдесят. Я решил, что больше не буду подвергать опасности свою жизнь – ведь от меня зависит жизнь Саномы Тора, девушки, которую я люблю.

Я летел на большой скорости и вдруг ощутил, что мне трудно поддерживать высоту. Мой флайер терял способность держаться в воздухе. Я предположил, и последующий анализ подтвердил это предположение, что пуля зеленых пробила устройство, обеспечивающее полет.

Упрекать себя в преступной беззаботности было бы только напрасной тратой умственной энергии, хотя я могу заверить вас, что я вполне осознавал свою ошибку и ее возможные последствия, влияющие на судьбу Саномы Тора, так как мои шансы существенно уменьшались.

В этот момент я думал только о Саноме Тора, совершенно

забыв о том, что и моя жизнь теперь находится в смертельной опасности.

Это был сильный удар по всем моим надеждам, но он не убил их полностью, так как человек не теряет надежды, пока жизнь еще теплится в нем.

Я не знал, сколько времени мой корабль продержится в воздухе, и поэтому единственное, что я мог сделать, это увеличить скорость полета, чтобы оставить между собой и зелеными как можно большее пространство. Я понимал, что недалек тот момент, когда мне придется приземлиться в этой пустыне.

Я пролетел примерно две тысячи хаадов от того места, где меня подбили зеленые из орды Торкаса. Сейчас я находился над заросшей мхом низменностью, где когда-то плескались волны залива. Далеко впереди виднелись низкие холмы – берег моря. Я направил флайер к холмам, надеясь, что высота полета позволит мне перелететь через них. Но чем ближе я подлетал, тем меньше надежды оставалось у меня. Я понял, что еще немного и мне придется садиться. И тут я увидел у подножия холмов развалины города. Ничего хорошего мне это не сулило, так как подобные развалины всегда служили местом обитания зеленых.

Сейчас я находился на высоте нескольких адов над землей (ад – примерно 9, 75 фута). Я уменьшил скорость, чтобы не разбиться при приземлении, и это приблизило конец полета. Я опустился на покрытую желтым мхом равнину в хааде от

бывшей набережной мертвого города.

3. Западня

Мне не повезло, так как я приземлился на совершенно открытой местности и был виден из города, как на ладони. У меня оставалась только жалкая надежда на то, что зеленые любят селиться в самых роскошных дворцах древних городов, которые обычно расположены далеко от берега. Поэтому я мог надеяться, что сумею добраться до города и укрыться в одном из домов на набережной. Впрочем, может быть, здесь вовсе нет зеленых людей.

Флайер больше не представлял для меня ценности, поэтому я мог со спокойной совестью покинуть его. Взяв оружие, патроны, немного еды, я быстро пошел по направлению к набережной. Не знаю, заметили ли меня враги, но во всяком случае я дошел до домов, не обнаружив ни одного живого существа.

В некоторых древних городах живут огромные белые обезьяны Барсума, которых все боятся, даже больше, чем зеленых дикарей. И не только потому, что они обладают страшной силой и чрезвычайно свирепы, но и потому, что они людоеды. Пожалуй, это единственные живые существа, которые вселяют ужас даже в зеленых людей Барсума.

Может показаться странным, что я, зная все опасности, которые могут подстергать меня в этих развалинах, тем не менее стремился к ним. Но у меня не было альтернативы.

Остаться на голой, покрытой мхом равнине без всякого укрытия – это значит быть замеченным или зелеными, или белыми обезьянами, т. е. погибнуть. Значит, мне нужно было искать убежище, где я мог бы спрятаться до наступления ночи. Только под покровом темноты я мог надеяться благополучно пересечь пустынную равнину. Только город мог дать мне убежище, и поэтому я стремился к нему. Стоя на плитах набережной, я смотрел на дома, которые когда-то были складами, магазинами. А дома смотрели пустыми глазами окон на меня, на пустую набережную, на пустыню, расстилающуюся за ними. Нет больше громадных кораблей! Нет занятой, спешащей толпы людей! Нет самого океана!

Перейдя через улицу, я вошел в одно из зданий, над которым возвышалась башня. Все здание, включая и башню, было в хорошем состоянии, и если бы я смог подняться на нее, я получил бы прекрасный наблюдательный пункт; оттуда я мог бы видеть и город, и равнину за ним, куда мне следовало идти ночью под покровом темноты. Мне ведь нужно было искать Джохар. Я вошел в здание и сразу оказался в огромном зале. Я не мог угадать его прежнего назначения, так как здесь не было ни мебели, ни чего-то другого, что могло бы натолкнуть меня на какие-то мысли по этому поводу. В углу зала находился большой камин, а слева от него я увидел лестницу, ведущую вниз, в подвальные помещения, и вверх. Я прислушался и, не услышав ничего подозрительного ни в самом здании, ни на улице, стал подниматься по лестнице.

Я поднимался с одного этажа на другой и на каждом этаже видел только один большой зал. Поэтому я предположил, что это нечто вроде пакгауза, где хранились товары, выгруженные с кораблей, пришедших в древний порт.

Вскоре я добрался до последнего этажа, а оттуда деревянная лестница вела в башню. Лестница была вполне крепкой, и хотя ей уже было больше пяти тысяч лет, я без колебаний решил довериться ей и стал подниматься.

Вокруг было темно. На каждой лестничной площадке я видел окна в стенах башни, но они были заделаны. Слабый свет проникал в башню откуда-то сверху.

Я уже был на второй лестничной площадке башни, когда мне послышался слабый шум позади.

Он был еле слышен, но настолько мертвой была тишина древнего города, что этот звук громом отозвался у меня в ушах.

Я остановился, посмотрел вниз, прислушался, но звук больше не повторился и я стал подниматься дальше. Я хотел подняться как можно выше и не задерживался, чтобы осмотреться. В конце концов я поднялся до места, где путь мне преградили доски. Они образовали как бы потолок верхнего помещения башни. В стене башни под самым потолком я увидел дверь. Было непонятно, зачем она здесь. Я изо всех сил уперся в нее плечом. Она подалась и со страшным скрипом петель открылась.

Я очутился в небольшой комнате на высоте двухсот футов

над землей. В одном из окон висели проржавевшие останки древнего фонаря, который, вероятно, когда-то служил маяком для кораблей. Да, много лет прошло с тех пор, как горел огонь этого маяка. Ведь тогда еще источником энергии для этого маяка служило электричество, вырабатываемое специальными машинами, которые потребляли ужасно много горючего, а коэффициент полезного действия их был чрезвычайно мал.

Из окон башни открывался прекрасный вид по всем направлениям. К северу и северо-востоку, насколько мог видеть глаз, простиралось дно мертвого моря. На юге я видел цепь низких холмов, которые когда-то были берегом залива Торкас. На западе за развалинами великого города я увидел останки загородных вилл.

В самом центре города возвышалось величественное здание, которое, скорее всего, было дворцом джедака. Этот город был столицей богатого государства и крупнейшим портом. Сейчас здесь владычествовала тишина. Этот город являлся пророчеством для нас, нынешних обитателей Барсума.

Если древние люди мужественно, но тщетно боролись с уменьшением запасов влаги на планете, то перед нами стоит гораздо более страшная угроза. За последние несколько тысячелетий мужество, стойкость и богатство красных людей сделали возможным существование жизни на планете. Ведь если бы не огромные заводы, вырабатывающие воздух

на планете, на ней не осталось бы ни одного живого существа. А эти заводы разработали, построили и обслуживают красные люди Барсума.

Я смотрел на город, и хотя мои мысли были заняты печальными размышлениями, я снова услышал шум где-то внизу. Я быстро подошел к двери, посмотрел вниз и на этот раз увидел то, от чего похолодело бы сердце самого отважного из людей Барсума, – я увидел жуткую оскалившуюся морду большой белой обезьяны Барсума.

Как только наши глаза встретились, это животное издало звериный рев и, отбросив всякую осторожность, с которой оно подкрадывалось ко мне, ринулось вверх по лестнице. Я успел захлопнуть тяжелую дверь прямо у нее над головой. И только тут я заметил, что на двери с внутренней стороны есть тяжелый засов. Можете мне поверить, что я не стал терять времени и быстро задвинул его. Вот таким образом я преградил путь белой обезьяне, но зато сам запер себя в этой ловушке, куда тоже забрался сам.

Да, я находился в ужасном положении – на высоте двухсот футов над землей, а единственный путь вниз отрезало мне самое страшное и кровожадное существо Барсума.

Я охотился на белых обезьян в Тарке, когда был гостем великого джедака зеленых Тарс Таркаса, и я кое-что знал о коварстве, силе и свирепости этих тварей. Они во многом походили на человека, и даже их мозг лишь немногим уступал человеческому. Если человек воспитывал детеныша обе-

зьяны с раннего возраста, он мог научить его очень многому. Но даже и в этом случае обезьяна оставалась диким зверем, которого следовало всегда опасаться. Было немало случаев, когда прирученная обезьяна убивала своего хозяина.

Когда-то в Хасторе я заплатил большую сумму, чтобы посмотреть на белую обезьяну. А сейчас я отдал бы в десять раз больше, лишь бы не видеть ее. Обезьяна бешено рвалась ко мне. Сначала я тревожился, но потом понял, что крепкая дверь, сработанная древними мастерами, не уступит даже огромной силе этого свирепого существа. Значит, понял я, обезьяна не сможет проникнуть сюда таким путем. Поэтому я решил обойти башню и обдумать сложившуюся ситуацию. Выглянув из всех четырех окон, я увидел, что три окна выходили на крышу здания, находящуюся в ста пятидесяти футах подо мною, а с четвертой стороны окно выходило на улицу. Я внимательно осмотрел стены, изыскивая возможность спуститься.

К тому времени, как я закончил осмотр, обезьяна пришла к заключению, что силой ей сюда не забраться. Я надеялся, что она отбросит мысль пообедать мною и уйдет. Но мои надежды не сбылись. Обезьяна сидела на лестнице, изредка меняя положение. Я не знал, насколько упорны эти существа в достижении своих целей, но все же надеялся, что настанет момент, когда обезьяне надоест сидеть под дверью и она уйдет. Однако время шло, а она терпеливо оставалась на месте. Я уже почти убедился, что это чудовище решило меня

держат в осаде, пока голод не вынудит меня попытаться вырваться.

Я долго смотрел на холмы за городом, смотрел на запад, где находилась цель моего путешествия – Джахар.

Солнце уже клонилось к западу. Скоро тьма сменит свет, и что тогда?

– Может, чудовище покинет свой пост, чтобы поискать пищу в другом месте? Но этого я знать не мог. Ведь обезьяна могла просто спуститься вниз и ждать меня там, зная, что другого пути у меня нет.

Возможно, вы удивитесь, что я, вооруженный мечом и пистолетом, боюсь открыть дверь и убить своего зловещего стража. Будь я убежден, что поблизости нет других обезьян, я, не колеблясь, поступил бы именно так. Но я знал их нравы и не сомневался, что в городе целое стадо этих зверей.

Звук выстрела наверняка привлечет сюда других зверей, и тогда мои шансы на спасение уменьшатся до минимума. Так что я понимал всю опасность положения, хотя и знал, что придет время, когда мне придется вступить в бой с обезьяной.

Солнце уже почти село, и длинные тени зданий протянулись по дну мертвого моря. И тут я увидел, что к городу направляется отряд зеленых воинов верхом на своих свирепых тотгах. Их было примерно двадцать, и они ехали совершенно бесшумно, так как ноги тотгов утопали в желтом мягком мху, устилавшем пустыню. Они как привидения двигались в су-

мерках умирающего дня, предоставляя мне доказательство того, что судьба привела меня туда, где опасность со всех сторон окружает меня. И как бы в довершение списка всех опасностей, которые подстерегают людей на Барсуме, над пустыней прокатился рев бенса – страшного хищника пустыни.

Зеленые воины не могли заметить меня, и я смотрел, как они подъехали к городу и двигались по улице прямо передо мной. И тут я заметил маленькую фигурку, сидевшую перед одним из воинов. Темнота уже сгущалась, и кавалькада свернула на одну из улиц, ведущих в центр города. Но я успел разглядеть, что маленькая фигурка принадлежала женщине моей расы. Разумеется, она была пленницей, и я содрогнулся при мысли о том, какая судьба ожидает ее. Может, и моя Санома Тора была в таком же положении. Может... но нет, как она могла оказаться тут, в руках воинов свирепой и злобной орды зеленых?

Нет, это не она. Это невозможно. Но факт оставался фактом – пленницей была красная женщина. Санома Тора, или другая, из Гелиума или Джахара – это неважно. Мое сердце наполнилось жалостью к ней. Я забыл, в каком положении нахожусь сам, мне хотелось броситься вслед за всадниками и вырвать эту девушку из рук жестоких дикарей. Но, увы, насколько мизерны были мои шансы! Что мог предпринять для ее спасения я, которому самому еще нужно было спастись из западни?

Такие мысли будоражили меня, пробуждали мою гор-

дось, и я решил: если не погибну, спасаясь сам, то сделаю все, чтобы спасти девушку. Во мне все же теплилась мысль, что эта девушка – Санома Тора, девушка, ради которой я готов пожертвовать всем, даже жизнью.

Стало совсем темно. Я приложил ухо к двери. Внизу было тихо, и я решил, что обезьяна покинула свой пост. Может, она просто спустилась ниже и ждет меня там? Ну, что ж, значит, битвы не избежать. Я вытащил пистолет из кобуры и начал отодвигать засов. И тут я услышал движение обезьяны – она была совсем близко.

Я замер. Что делать? Если я открою дверь, по всей вероятности меня ждет гибель. И какая польза от моей гибели этой несчастной пленнице? Ведь у меня есть еще один выход – не самый простой, может быть, даже очень опасный, но все же выход – я могу попытаться спуститься по стене башни. Шанс на спасение в этом случае не больше, чем открыть дверь.

Я подошел к окну и посмотрел на город. Была кромешная тьма, и я ничего не увидел. Откуда-то из темноты доносился рев тототов. Вероятно, там устроились лагерем зеленые воины. Значит, я смогу отыскать его по реву животных. Снова над холмами пронесся рев бенса, вышедшего на охоту. Я сел на подоконник, свесил ноги наружу, перевернулся на живот и соскользнул вниз. Держась обеими руками, я нащупал носком ноги углубление в стене, которое могло бы служить упором. Надо мною висела черно-голубая бездна, усеянная звездами, подо мной лежала черная бездна. Казалось,

что меня отделяют от земли миллионы хаадов, хотя я знал, что до земли всего сто пятьдесят футов. И все же меня ждет на земле смерть, если я сделаю неверное движение или же у меня сорвется рука или нога.

При свете дня все трещины в стене казались глубокими, а сейчас... Казалось, что я ползу по гладко отполированной скале. Пальцы рук одеревенели. Ноги отчаянно искали хотя бы малейшую опору... Каждое мгновение я прощался с жизнью, и как только я находил хотя бы маленькую трещину, надежда снова вспыхивала во мне.

Распластавшись на стене, я отдыхал и, когда немного приходил в себя, снова начинал спуск. Так, поминутно прощаюсь с жизнью, я спускался дюйм за дюймом. Проползая мимо окон, я старался производить как можно меньше шума, чтобы обезьяна не услышала меня.

Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким, как в эту ночь, когда я спускался по каменной стене древнего маяка. Даже надежда покинула меня. Ладони и пальцы мои кровоточили, ногти обламывались. Как они держали мое тело, я до сих пор не знаю. Единственное, за что я тогда благодарил судьбу и благословлял предков, была тьма, окружавшая меня, так что я не мог видеть под собой зияющую бездну. Но зато я не мог понять, сколько мне осталось спускаться до земли, а взглянуть наверх, на чернеющий силуэт башни я боялся из страха потерять равновесие.

И все же я был гораздо ближе к земле, вернее, к крыше

дома, чем предполагал. И тут я неосторожно царапнул ножами по стене. В мертвой тишине этот звук показался мне громом. Я понимал, что его может услышать обезьяна в башне. И мог только надеяться, что в ее мозгу этот звук никак не ассоциируется со мною. Но у меня не было времени для сомнений. Я продолжал спуск с удвоенной скоростью. До меня донесся шум из башни: что-то огромное и тяжелое быстро спускалось по лестнице. Может, это просто слуховая галлюцинация, подумал я, ведь мои нервы так напряжены. Через мгновение мои ноги коснулись крыши.

Я вздохнул с облегчением, но это облегчение было недолгим. Почти мгновенно я понял, что шум, доносившийся до меня из башни, не был галлюцинацией: огромная белая обезьяна выскочила из дверей в десятке шагов от меня. Она бросилась вперед без единого звука, видимо, не желая делить трапезу со своими сородичами. Я был с нею солидарен в этом и выхватил меч, а не пистолет.

Я казался беспомощным, жалким карликом по сравнению с этой громадиной, воплощением жуткой жестокости. Только сила и быстрота спасли меня от объятий обезьяны. Длинные могучие руки уже протянулись ко мне, но я успел одним ударом обрубить ее кисть и тут же отпрыгнуть в сторону. Обезьяна бросилась в мою сторону, но она не была столь проворна, и я вонзил меч в ее тело. Дикий крик ярости и боли вырвался из ее груди. Она снова ринулась на меня, но потеряла равновесие, попыталась удержаться на крыше, но

тщетно. Вскоре снизу донесся глухой удар тяжелого тела о землю.

Боясь, что крики привлекут сюда других обезьян, я бросился бежать к северному краю крыши, где, как я заметил днем, я мог, прыгая на прилегающие крыши более низких зданий, спуститься на землю.

Над горизонтом поднялся холодный Хлорус. Прозрачный свет пролился на город, и я мог видеть крыши внизу. Мне пришлось прыгать с большой высоты, но все же это было безопаснее, чем спускаться через дом. Ведь там я мог столкнуться с другими обезьянами.

Соскользнув с края крыши, я на мгновение повис на руках, а затем отпустил их. Падение было долгим. Думаю, что на вашей планете с большой силой тяготения этот прыжок не прошел бы мне даром, но здесь, на Барсуме, со мной не произошло ничего серьезного. Затем я спрыгнул на следующую крышу, затем еще на одну – и вскоре был на земле.

Если бы я не видел девушку-пленницу, я сразу же направился бы на запад, в дикую пустыню, невзирая на опасность нападения бенса. Но сейчас моя совесть заставляла меня сделать все, чтобы освободить несчастную, попавшую в лапы этих жестоких и безжалостных дикарей.

Держась в тени зданий, я бесшумно продвигался к центральной площади, откуда доносился рев тотов. Площадь находилась на расстоянии доброго хаада от набережной, и мне пришлось пересечь несколько улиц. Наконец, я добрался до

площади, уверенный, что никем не замечен.

В окнах одного из зданий я увидел свет. Однако я не осмелился пересечь площадь, освещенную луной, и стал пробираться туда, укрываясь в тени домов. Вскоре я добрался до здания, где остановились зеленые. Прямо передо мною было низкое окно, ведущее в комнату, соседнюю с той, откуда доносился разговор воинов. Я внимательно прислушался. В комнате было тихо. Я осторожно протиснулся в окно и очутился в полной темноте.

Проходя на цыпочках к двери, откуда я мог заглянуть в соседнюю комнату, я внезапно замер: моя нога коснулась чего-то теплого и мягкого. Рука моя потянулась к мечу, когда я ощутил движение чьего-то тела в темноте.

4. Тавия

В жизни каждого человека бывают минуты, когда он вдруг обнаруживает, что его действиями руководят какие-то внешние силы, не подчиняющиеся его сознанию. Иногда это называют рукой провидения, иногда высказывают гипотезы о существовании какого-то загадочного шестого чувства, которого мы не осознаем. Но факт остается фактом: этой ночью я стоял в темной комнате древнего дворца покинутого города – и я не вонзил свой меч в мягкое тело, шевельнувшееся возле моих ног, хотя в моем положении это был бы самый разумный поступок. Я прижал острие меча к этому мягкому теплому комочку плоти и прошептал одно слово:

– Тихо!

С тех пор я тысячу раз благодарил тени предков, что не подчинился вполне естественному инстинкту, так как в ответ я услышал тихий шепот:

– Не убивай, красный человек, я пленница и принадлежу к твоей расе...

Это был шепот девушки.

Я опустил на колени, быстро ошупал ее и обнаружил, что ее руки и ноги стянуты кожаными шнурами. Я быстро разрезал их.

– Ты одна? – спросил я ее, помогая подняться на ноги.

– Да. Они в соседней комнате. Они играют на меня, чтобы

решить, кому я буду принадлежать.

В соседней комнате послышался шум.

– Они идут, – с ужасом сказала она. – Нам нужно бежать отсюда.

Я взял ее за руку, подвел к окну, через которое проник в дом, но, к счастью, мы не успели вылезти, так как из главного входа дворца вышел зеленый воин. Очевидно, это были звуки его шагов, которые мы слышали.

– Есть другой выход? – спросил я.

– Да. Напротив окна есть дверь, ведущая в коридор. Она была открыта, но потом зеленые заперли ее.

– Скорее всего, нам нужно уходить через дом, – сказал я. – Идем!

Ощупав стену против окна, я быстро обнаружил дверь. С большой осторожностью, стараясь не произвести ни малейшего шума, я отодвинул засов и открыл дверь. Больше всего я боялся, как бы не закрипели древние петли. За дверью находился коридор, темный, как пучины Омеана, и я повел по нему девушку, закрыв за собой дверь и крепко держа ее за руку. Мы прошли мимо двери, за которой веселились зеленые, и пошли дальше. Черная тьма окружала нас долгое время, но вот впереди забрезжил свет. Мы подошли ближе, и я увидел, что он струится из открытой двери, ведущей в комнату. Из этой комнаты дверь вела на улицу. Я хотел пройти дальше и спрятаться где-нибудь в дальних комнатах дворца, но мое внимание привлек рев тот.

С раннего детства я имел дело с той разновидностью тоттов – низкорослых животных, – которые использовались в качестве ездовых людьми моей расы. Но, будучи в гостях у Тарс Таркаса, я познакомился с особенностями езды и на этих свирепых громадных тоттах.

Поэтому вполне естественно, что когда рев тотта привлек внимание, в голове мгновенно сформировался план бегства.

– Чего мы ждем? – спросила девушка. – Мы не можем бежать через комнату, так как нам придется пройти через двор.

– Напротив, – ответил я. – Я уверен, что именно здесь бежать проще всего.

– Но во дворе тотты. А зеленые воины всегда находятся рядом с ними.

– Именно потому, что здесь тотты, я и хочу выйти.

– Как только они почувствуют наш запах, они поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые. Нас сразу схватят.

– Может быть. В моем плане есть риск, но если он удастся, мы спасемся. Разумеется, если ты боишься, мы откажемся от этого плана.

– Нет, нет! Я не могу приказывать тебе, что делать. Ты мне помог, и я могу только следовать за тобой, но если бы я знала твой план, мне стало бы легче помочь тебе осуществить его.

– Все очень просто. Вот тотты. Мы заберем одного из них и уедем. Шансы на успех гораздо больше, чем если бы мы прятались во дворце. К тому же мы оставим ворота откры-

тыми и все тоты разбегутся, так что зеленые не смогут сразу погнаться за нами.

– План сумасшедший, но смелый. Если нас обнаружат, нам придется драться, а я без оружия. Дай мне свой короткий меч, воин, я по крайней мере смогу тебе немного помочь.

Я отстегнул ножны короткого меча и прицепил их возле левого бедра девушки. Коснувшись ее крепкого тела, я не заметил никакой дрожи от страха или возбуждения. Она была спокойна, уверена в себе. Я был разочарован, когда в темноте комнаты обнаружил, что это не Санома Тора, но я был преисполнен решимости помочь бежать этой незнакомке, хотя знал, что ее присутствие может помешать мне выполнить мою задачу. Одному воину гораздо легче преодолеть все опасности, чем в сопровождении девушки. И вот теперь, когда моя рука лежала на тугом бедре девушки, мне было приятно почувствовать, что она не такая беспомощная, как я предполагал.

– Надеюсь, что тебе не придется пользоваться им, – заметил я, пристегнув ножны.

– Если возникнет необходимость, то я сумею сделать все, что надо, – ответила она.

– Прекрасно. Теперь идем, и держись поближе ко мне.

Я осторожно выглянул из окна и увидел двор, где находилось примерно двадцать огромных тотов. Однако зеленых воинов поблизости не было.

Тоты находились в дальнем конце двора. Одни лежали, другие ходили, как часовые. В другом конце двора я увидел ворота. Они были закрыты на засов и выходили на улицу города.

Самая главная наша задача – это добраться до ворот незамеченными тотами, поэтому я решил пройти в комнату, окна которой выходили прямо к воротам. Я тронул девушку за руку, и мы вернулись в коридор и пошли по нему, заглядывая в комнаты. Вот, наконец, и та, прямо перед окнами которой находились ворота. Я был доволен: все складывалось как нельзя лучше, все соответствовало плану, который сложился у меня в голове.

– Оставайся здесь, – прошептал я. – Если все будет хорошо, я поскачу здесь на тоте, а ты прыгай в седло сзади меня. Если же меня обнаружат и завяжется бой, я крикну: «За Гелиум! «Тогда ты должна спастись сама и не думать обо мне.

Она положила руку мне на плечо.

– Позволь мне пойти с тобой, два меча лучше, чем один.

– Нет. Мне одному будет проще справиться с тотами.

– Хорошо, – ответила она, и я оставил ее и прошел к окну. Некоторое время я осматривал двор и понял, что здесь ничего не изменилось. Затем я бесшумно выскользнул в окно и стал красться к воротам. Осмотрев засов, я понял, что его можно открыть легко и бесшумно. Еще секунда, и ворота распахнулись. Затем я переключил все свое внимание на тотов. Это были практически дикие, неприрученные живот-

ные. Ими можно было управлять при помощи телепатии, а это требовало большого умения.

Я обучался этому искусству у самого Тарс Таркаса и могу без преувеличения сказать, что достиг в этом деле совершенства. Укрывшись возле ворот, я сконцентрировал всю свою волю на том, чтобы воздействовать на мозг тот, которого я решил использовать для бегства. Мой выбор пал на это животное по той простой причине, что оно было ближе всех ко мне. Я сразу заметил результат своих усилий. Животное, которое общипывало мох, росший между каменными плитами, подняло голову и осмотрелось. Некоторое время тот стоял неподвижно, затем он двинулся вперед молча. Я мысленно приказывал ему не издавать ни звука. Вот он увидел меня. Я заставил его идти вперед. Это было очень трудно, так как он чувствовал, что я не его хозяин. Однако он шел. Уже приблизившись ко мне, он вдруг остановился, сердито хрюкнул. Вероятно, он ощутил мой запах и понял, что я даже не той расы, к которой он привык. Я изо всех сил напряг свои силы внушения. Он стоял, трясая головой и обнажая клыки. Я видел, что уже другие тоты обратили внимание на его странное поведение. Они все смотрели в мою сторону, а некоторые даже двинулись вперед. Я понимал, что если они обнаружат меня, то поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые воины.

Тот, которого я выбрал, долго стоял в нерешительности — уходить ему или же подчиниться моему приказу. Наконец,

он пошел вперед ко мне. Я вывел его за ворота и подвел к окну. Там я быстро вскочил на него, девушка прямо из окна села позади меня, и мы выехали на широкую улицу.

Улица вела к холмам, и я пустил тот на полную скорость. Оглянувшись, я увидел, что из ворот выбегают другие тоты. Они прекрасно знали, как им воспользоваться столь неожиданно обретенной свободой.

– Зеленые не смогут преследовать нас, – сказал я девушке, показывая кивком головы на тотот.

– Этой ночью наши предки с нами, – сказала она. – Будем молиться, чтобы они не оставили нас.

Впервые я мог хорошенько рассмотреть свою спутницу, так как и Турия, и Хлорус были в небе и света было вполне достаточно. И тут я изумился. Все это время я был уверен, что это девушка: и голос, и телосложение – все говорило об этом. Но теперь я увидел мальчишескую голову, одежду воина.

– А я думал, ты девушка, – вырвалось у меня. Красивые губы раздвинулись в улыбке, обнажившей белые зубы.

– Я девушка, – услышал я.

– Но волосы... одежда...

Она весело рассмеялась. Когда я узнал ее лучше, я понял, что она всегда много и охотно смеялась, хотя ее смех никогда не был обидным.

– Значит, мой голос меня выдал, – сказала она. – Это плохо.

– Почему?

– Потому что ты предпочел бы иметь товарищем воина, а не девушку, которая будет только помехой на твоём пути.

– Вряд ли, – сказал я, вспомнив, как она взяла у меня меч, намереваясь вступить в бой с зелеными. – Но скажи, кто ты и почему переделалась юношей.

– Я рабыня. Всего лишь рабыня, сбежавшая от своего хозяина. Возможно, ты будешь жалеть о том, что решил оказать помощь рабыне, – печально добавила она.

– Нет, нет, – сказал я. – Мне все равно, кто ты. Тем более что я всего лишь бедный падвар, и у меня нет денег, чтобы приобрести раба. Может, тебе стоит сожалеть о том, что тебя освободил не богач.

Она рассмеялась.

– Я убежала от самого богатого человека в мире. Я не знаю никого, кто мог бы быть богаче Тул Акстара, джедака Джыхара.

– Ты принадлежала Тул Акстару? – воскликнул я.

– Да. Меня украли из города Тьяната, когда я была совсем маленькой. И с тех пор я жила во дворце Тул Акстара. У него было много женщин. Тысячи! Не знаю, что он делал с ними! Впрочем, некоторые жили в его дворце всю жизнь и никогда даже не видели его самого. А я видела... – она содрогнулась. – Он ужасен. Я была там очень несчастна. Я никогда не знала своей матери. И отца своего я плохо помню. Я была совсем маленькой, когда эмиссары Тул Акстара украли ме-

ня из моего дома в Тьянате. Во дворце у меня было много друзей среди рабов, воинов и офицеров. Меня учили обращаться с оружием и даже летать на флайере. Но затем моя беззаботная жизнь кончилась: Тул Акстар заметил меня. Заметил и приказал привести к нему. Я притворилась больной и не пошла, а ночью украла одежду воина, выкрасила лицо, чтобы походить на мужчину, пробралась в ангар и улетела на одноместном флайере.

Я считала, что они будут преследовать меня и поэтому полетела в сторону, противоположную Тьянату. Я хотела описать широкую дугу и прилететь в Тьянат с севера. Пролетая над Ксанатором, я заметила заросли манталии и спустились, чтобы запастись соком этих растений – ведь я вылетела так поспешно, что не запаслась провизией. Я выбрала место для посадки среди огромных растений, а когда приземлилась, оттащила флайер под листья манталий, чтобы его не было видно с воздуха.

Затем я стала собирать сок растений, и тут меня заметили зеленые воины, которые приехали с той же целью. Вскоре они схватили меня, но не заметили флайера. Видимо, они не видели, когда я приземлялась. Я решила не говорить им о флайере.

Когда они собрали достаточно сока манталии, они вернулись в Ксанатор вместе со мною. Остальное ты знаешь.

– Значит, это Ксанатор?

– Да.

- А как тебя зовут?
- Тавия. А тебя?
- Тан Хадрон из Хастора.
- Красивое имя.

Она сказала это быстро, не задумываясь, и можно было предположить, что она лицемерит, не говорит правду. Однако когда я узнал ее лучше, я понял, что главной чертой ее характера была искренность, честность. Однако в тот момент я не думал ни о чем, кроме той части ее рассказа, где увидел возможность нашего спасения.

– Мы сможем найти эту рощу манталии и место, где ты спрятала флайер?

– Думаю, что да.

– А флайер сможет поднять нас двоих?

– Это одноместный флайер, но он сможет поднять двоих, хотя скорость и высота подъема уменьшатся.

Она показала мне примерное направление, куда нужно ехать, и я повернул тота. Сейчас мы ехали к югу по дну мертвого моря. Турия быстро неслась по небесам, бросая изменяющиеся тени на желтый мох. Холодный Хлорус медленно и величественно плыл по небу. Свет этих двух спутников Барсума был достаточно ярким, и нас могли увидеть из Ксанатора. Однако я надеялся на то, что постоянно меняющиеся тени замаскируют наше движение, а к тому же все тоты разбежались из города, оставив своих хозяев без средств передвижения. Значит, они не смогут пуститься в погоню за

нами.

Огромное животное быстро несло нас вперед, и вскоре я увидел впереди заросли манталей. Еще немного, и мы въехали в густую тень манталиевой рощи. Не без труда, но мы смогли найти флайер Тавии. Я был рад, что он оказался в хорошем состоянии, а также потому, что нам не пришлось столкнуться с белыми обезьянами – большими любителями сока манталей.

Я подъехал к флайеру как можно ближе и, оставив Тавию на тоте, соскочил на землю и выкатил машину на открытое место. Затем я осмотрел ее и обнаружил, к своему облегчению, что она в полном порядке. Я очень боялся, что белые обезьяны могли обнаружить ее и разломать на части.

Убедившись, что все в порядке, я помог Тавии сойти на землю, и через мгновение мы уже были на палубе. Мерно заработал двигатель, и флайер взмыл в воздух, хотя и с некоторой натугой. Ночь Барсума поглотила нас, и мы очутились в безопасности, хотя и временной.

Флайер был той конструкции, о которой в Гелиуме давно забыли. Он не был оборудован новейшими средствами навигации, автопилотом. Поэтому пилот должен был постоянно находиться возле панели управления. Нам было очень тесно вдвоем. Пришлось сесть вплотную, и было невозможно изменить положение, не потревожив друг друга. Переднее стекло плохо защищало от ветра, но, к счастью, скорость полета была чрезвычайно низкой, а то бы мы быстро замерзли

до смерти.

По обоюдному согласию мы взяли курс на юго-запад.

Я рассказал Тавии, что мне нужно было лететь в Джахар, объяснил причину этого. Она очень заинтересовалась историей похищения Саномы Тора и, хорошо зная обычаи двора Тул Акстара, не исключила возможности того, что Санома Тора могла оказаться именно там. Однако насчет возможности ее освобождения она высказала большое сомнение.

Я увидел, что у нее нет особого желания возвращаться в Джахар, но она не стала препятствовать мне в достижении моей цели и даже сама указала точный курс полета.

– Тебе опасно возвращаться в Джахар? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Но раб всегда должен подчиняться хозяину.

– Я не хозяин, а ты не рабыня. Мы с тобой товарищи по оружию.

– Я очень рада, – сказала она. И добавила после паузы: – Раз мы товарищи, то позволь мне сказать, что лететь прямо в Джахар неразумно. Этот флайер узнают сразу. Тебя же схватят как шпиона, и вместо того, чтобы освободить Саному Тора, ты будешь сидеть в подземной тюрьме и по праздникам участвовать в играх на Большой Арене, где тебя рано или поздно убьют.

– Что ты предлагаешь?

– На юго-западе от Джыхара лежит Тьянат, город, где я родилась. Это единственный город на Барсуме, где я могу

получить дружеский прием. Тьянат примет меня, а, значит, примет и тебя. Там ты сможешь подготовиться к тому, чтобы проникнуть в Джахар. Это можно сделать, только переодевшись джахарцем, так как Тул Акстар не разрешает никому из чужих появляться в Джахаре, за исключением, конечно, захваченных рабов. В Тьянате ты получишь одежду, я обучу тебя их обычаям и манерам. И тогда ты можешь надеяться, что тебя могут принять за джахарца. Появление в Джахаре без предварительной подготовки – это смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.